И 139/225
201-22
9948-7

КАРМАННАЯ КНИЖКА

ДЛЯ

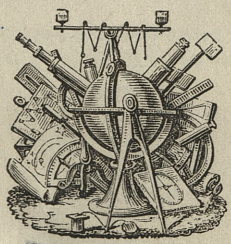
ЛЮБИТЕЛЕЙ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ОТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

— 1848. —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

—

1848.

СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Статья Дѣйств. Члена П. С. Савельева.

СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Статья Дѣйств. Члена П. С. Савельева.

I.

Обозрѣніе географическихъ открытій и путешествій, совершенныхъ въ средней части Азіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ. (*)

Внутреннія, отдаленныя отъ морей страны Азійскаго материка, на которыя опирается теперь Россія своей Сибирскою границею, позже другихъ сдѣлались извѣстны и доступны Европейцу, и еще донынѣ остаются неизвѣданными во многихъ частяхъ. Географическія познанія Европейца объ Азіи пояснялись и расширялись по мѣрѣ распространенія его сношеній или владычества въ этой части свѣта. Свѣдѣнія туземцевъ суть несомнѣнно древнѣйшія, какія имѣются объ Азіи; но Европейцы могли пользоваться ими не ранѣе, какъ при личномъ знакомствѣ съ народами Востока, и то не всегда: языкъ, письмена, нравы и эта вѣчная недовѣрчивость Азіатца къ пытливости путешественниковъ всегда отдѣляли міръ Восточный отъ Европейскаго. Памятники искусствъ съ начертанными на нихъ клино-

(*) Читано въ извлеченіи въ собраніи Общества 29 октября 1847 г.

образными надписями, существовали и въ эпоху Геродота, но только въ наше время сдѣлались доступны Европейцамъ. Такъ недавно еще, изъ надписи Бегистуна, дешифрованной Ро́линсономъ, мы узнали предѣлы и подлинныя названія областей древне-Персской имперіи Дарія. То же было и со многими другими письменными памятниками Азіатцевъ, заключавшими въ себѣ географическія и этнографическія свѣдѣнія: они дѣлались извѣстны Европѣ цѣлыми столѣтіями спустя. Гордая своимъ просвѣщеніемъ, Европейская семья человѣчества долго, почти до нашихъ временъ, ограничивала сферу наукъ лишь результатами своихъ открытій и не пользовалась плодами цивилизацій другихъ племенъ, нерѣдко тратя столѣтія на «открытія», сдѣланныя уже другой половиной человѣчества.

Древняя Европа, отдѣленная отъ Востока Эгейскимъ Моремъ, не иначе могла узнать Внутреннюю Азію, какъ пройдя напередъ всю Западную. Основаніе поселеній въ Іоніи было первымъ шагомъ Грековъ на берега Азіи и оттуда внутрь страны. Успѣхи Іонянъ въ этомъ отношеніи были столь быстры, что, по свидѣтельству Геродота (V, 49), не болѣе пятидесяти лѣтъ по основаніи Персской монархіи Киромъ, Аристагоръ, правитель Милета, привезъ въ Спарту мѣдную доску или ландкарту, съ изображеніемъ рѣкъ и земель между Іоніею и Сузою. Значитъ, вся Передняя Азія, до Арменіи, Евфрата и Тигра, была тогда болѣе или менѣе извѣстна Европейцу, какъ по личному наблюденію, такъ вѣроятно и по матеріаламъ Персидскимъ.

Но много времени протекло съ эпохи поселенія Европейцевъ на Іонійскомъ берегу, пока они узнали лично страны, лежащія за Персіею. Это первое знакомство Европы съ Внутреннею Азіею было слѣдствіемъ завоеваній Александра Великаго. Подобно Египетской экспедиціи великаго завоевателя нашихъ временъ, походы

Македонскаго Наполеона покоряли страну мечу и наукѣ: Бетонъ, Діогнетъ и другіе ученые слѣдовали за Александромъ, чтобъ описывать его завоеванія; къ несчастію, только небольшіе отрывки дошли до насъ отъ ихъ дневниковъ и записокъ, за исключеніемъ морскаго журнала Неарха.

Оксусъ на сѣверѣ и Индъ на юговостокѣ были предѣлами извѣстнаго тогда Грекамъ міра. Александръ переступилъ за эту черту. Изъ долинъ Гиндукуша, югозападной грани Верхней Азіи, прозванной спутниками его «Индійскимъ Кавказомъ», онъ направилъ свой путь въ «неизвѣстныя страны» сѣвера и юговостока. Съ одной стороны, онъ спустился изъ рѣки Кабуль въ Индъ и вступилъ въ долины Индійскаго «Пятирѣчья» (Pentopotamia, Пенджабъ): это было открытіемъ новаго міра съ самобытною, созерцательною гражданственностью, казавшеюся столь смѣшною суровымъ Европейцамъ,—открытіемъ странъ и народовъ, которые съ тѣхъ поръ получили названіе Индіи и Индійцевъ, отъ неправильнаго распространенія на нихъ названія пограничной рѣки *(Индъ*, правильнѣе *Синду)*. Съ другой стороны, полчища Александра шагнули на берега Оксуса, Согда и даже Яксарта, которыхъ еще не касалась нога Европейца. Десять «Александрій» было основано на пути завоеваній, и самая «крайняя», Alexandria ultima, или Alexandreschata, при Яксартѣ или Сыръ-Дарьѣ,—вѣроятно, около нынѣшняго Ходженда, если не близъ Ташкента, котораго названіе одно изъ древнѣйшихъ въ этой странѣ, какъ мы увидимъ. Къ сожалѣнію, о примѣчательномъ Трансоксанскомъ походѣ Македонянъ сохранилось менѣе извѣстій, чѣмъ объ Индійскомъ. Мы пріобрѣли лишь небольшой списокъ мѣстныхъ городовъ, которыхъ названія впрочемъ трудно пріурочить къ нынѣшнимъ. Столицею Согдіаны была Мараканда,—вѣроятно, нынѣшній Самаркандъ.

Колоніи Европейцевъ оставлены были Александромъ Великимъ въ разныхъ мѣстахъ Бактріи и Согдіаны, и доселѣ еще путешественники встрѣчаютъ здѣсь поколѣнія бѣлокурыя и съ голубыми глазами, которыя съ гордостью ведутъ родъ свой отъ Искендера.

Основаніе Греческихъ царствъ въ Азіи преемниками Александра ввело Европейцевъ въ постоянныя сношенія съ народами Востока и расширило кругъ ихъ познаній объ этой части свѣта. По слѣдамъ великаго завоевателя, Селевкъ вскорѣ углубился въ Индію за Гангъ, и его экспедиція вынесла оттуда извѣстія даже объ Индійскомъ Архипелагѣ и великомъ островѣ Тапробанѣ (Цейлонѣ). Греко-Бактріанскіе цари вступили въ сношенія съ сосѣдственными кочевыми народами за Яксартомъ, и къ эпохѣ ихъ владычества относятся первыя извѣстія о Китаѣ (Thinae, т. е. *Цинъ*, имя Китайской династіи, царствовавшей въ третьемъ вѣкѣ до Рождества Христова), и начало торговли шелкомъ.

Такимъ образомъ походы Александра Великаго открыли Европейцамъ два новыхъ міра, которыхъ нельзя уже было причислить къ «варварскимъ»: міръ Индійскій и Китайскій. Въ Бактріанѣ, при Гиндукушѣ и на вершинахъ Индійскаго Пятирѣчья, мы вскорѣ видимъ перекрестное столкновеніе разноплеменныхъ цивилизацій: Греческое искусство смѣшивается съ Индійскимъ; оно подчиняетъ себѣ даже Скиѳовъ, спустившихся изъ степей Среднеазійскихъ; другіе Скиѳы поддаются болѣе вліянію Индійскому; Греко-Бактрійцы селятся въ Индіи, Саки и Тохары въ Бактріи и при Паропамизѣ. Народы Средней Азіи, Европы и Индіи образуютъ замѣчательное смѣшеніе въ этомъ довольно обширномъ кругу, центромъ котораго Гиндукушъ. Эта смѣсь накрыта была впослѣдствіи слоемъ новой цивилизаціи, Персидской (Арсакиды и Сасаниды).

Хребетъ Гиндукушъ, Индійскій Кавказъ, Паропамизъ,

Imaus или Emodus, былъ средоточіемъ военныхъ дѣйствій Греко-Македонянъ, и съ него началось изученіе Средней Азіи географами Александрійской школы (Эратосѳенъ). Они знали о протяженіи горной цѣпи отъ Гиндукуша на сѣверъ (Биллоуръ-Тагъ) и принимали ее за продолженіе Имауса. Такимъ образомъ это названіе распространено было слишкомъ далеко на сѣверо-востокъ, что̀ и подало Римлянамъ поводъ къ раздѣленію самой Скиѳіи Азіатской на «Скиѳію по сю и по ту сторону Имауса», Scythia intra et extra Imaum: первое систематическое дѣленіе Средней Азіи (у Птоломея).

Наслѣдуя Грекамъ во владычествѣ надъ Востокомъ, Римляне не сдѣлали важныхъ открытій въ географіи Внутренней Азіи. Отрывочными свѣдѣніями, заключающимися у Страбона, болѣе археолога, чѣмъ географа, у Плинія, и у Птоломея, сухаго, хотя систематическаго сборщика маршрутовъ, ограничился кругъ познаній, пріобрѣтенныхъ Римлянами объ этой части Азіи. Даже Птоломей продолжалъ еще пользоваться Македонскими источниками. Единственнымъ успѣхомъ можно назвать распространеніе (если только не поддержаніе) шелковой торговли съ Китаемъ, начатой еще Бактріанцами и продолженной Греками. Еще Арріанъ (Peryp1. mari Erythr.) сообщалъ хорошія свѣдѣнія о путяхъ этой торговли и крайнихъ ея предѣлахъ. Онъ уже зналъ, что шелкъ-сырецъ и выдѣланный шли въ Бактрію и оттуда въ Индію изъ страны *Серовъ* и *Синовъ* (Seres, Sinae), у которыхъ столицей была Thinae; что ихъ держава простиралась до Каспійскаго Моря (фактъ, подтверждаемый Китайскими лѣтописями), и что на границѣ *Синовъ* была ежегодная ярмарка, куда отправлялись Греки Киликійскіе и Индійцы. Сборнымъ мѣстомъ ихъ былъ «Каменный градъ», λίθινος πύργος, Turris lapidea: это переводъ названія *Ташъ-кендъ* (хотя нынѣшній *Ташкендъ* лежитъ, можетъ быть, на другомъ мѣстѣ); Китайцы также издав-

на знали этотъ городъ подъ тѣмъ же самымъ названіемъ «Каменнаго», по-Китайски *Шы*. Что касается до названій *Серовъ*, Seres, Serica, то это не иное что, какъ производныя отъ σῆρ, означающія «страну шелка» и ея жителей. Самое названіе шелка, σῆρ перешло къ Грекамъ отъ Китайцевъ: у Корейцевъ оно сохранило ту же форму, *сиръ*, по-Китайски *сэ*, у Маньджу *сиргэ* и у Монголовъ *сиркэкь;* отъ послѣднихъ заимствовано и наше *шелкъ*, зашедшее потомъ, вѣроятно черезъ Норманновъ, и въ Англійскій языкъ (silk). Такъ путешествуютъ и самыя слова!

Во второмъ вѣкѣ нашей эры, Римляне отправили даже оффиціальное посольство къ Синамъ, и Китайскія лѣтописи записали это событіе и имя его виновника, императора *Ань-тунъ* (Антонина, Марка-Аврелія); но о пути этого посольства не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Византійцы сдѣлали еще шагъ въ географіи Средней Азіи. Распространеніе ихъ дипломатическихъ сношеній ввело ихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ Турецкими племенами, кочевавшими отъ Волги и Урала до Алтая. Восточные Турки впрочемъ сами первые отправили своихъ посланцевъ въ Константинополь, въ 562 году. Греки не хотѣли оставаться въ долгу. Императоръ Юстинъ II, въ 579 году, отправилъ своего «префекта Востока» Земарха въ страны *Турковъ*. Земархъ, изъ Согдіаны, черезъ степь, прибылъ къ кибиткѣ хакана, въ одну изъ долинъ «Золотой горы»: это буквальный переводъ слова *Алтай* (у Грековъ, ошибочно *Ектѣл*), и возвратился оттуда черезъ степи, Эмбу, Яикъ, Аттилію (Волгу) и Кавказъ въ Требизондъ, ознакомившись съ Турецкими племенами. Великій ханъ подарилъ ему между прочимъ раба изъ поколѣнія Χαρκις (Киргиза). Китайцы знали объ этихъ сношеніяхъ. Величая прежнихъ, настоящихъ Римлянъ такъ, какъ они называютъ себя

теперь (*Дай-Цинъ*, «Великое Царство», нынѣшнее названіе Китая), они придавали имперіи Грековъ, гордившихся еще именемъ Римлянъ, нынѣшнее названіе ихъ столицы, «Стамбулъ» (*Фо-линь*, т. е. *πολιν*, сокращенное изъ *ις την πολιν*): явно, что Греки издревле сами называли такъ «городъ Константина».

Исламизмъ, враждебный Христіанской Европѣ, вскорѣ закрылъ для нея, и на долго, источники географическихъ свѣдѣній объ Азіи. На сцену исторіи выступилъ новый народъ, Семитическаго колѣна. Отъ перваго появленія его до эпохи крестовыхъ походовъ, Европейцы не пріобрѣли ни одного новаго свѣдѣнія о Востокѣ; но мусульманскіе географы и путешественники, особенно въ блистательную эпоху Аббасидовъ, вознаградили за молчаніе Европейцевъ и далеко болѣе Римлянъ и Византійцевъ обогатили область землепознанія. Относительно Средней Азіи, Арабы подробно узнали Мавераннѣгръ и прилежащія степи, и многіе изъ ихъ путешественниковъ проникали до Зайсана, Байкала, Алтая и Китайскихъ владѣній. Еще въ осьмомъ вѣкѣ, если не ранѣе, купцы Арабскіе проникли въ Китай морскимъ путемъ. Главною торговою гаванью они называютъ *Ханфу:* это Кхань-пху, нѣкогда цвѣтущая, теперь оставленная гавань при устьѣ рѣки Цзянъ, сѣвернѣе Кантона. Въ Кантонѣ также было множество Арабовъ. Одинъ изъ нихъ, Ибнъ-Веггабъ, любопытствуя видѣть «Сына Неба», проникъ въ 872 году до его столицы Си-ань-фу, лежавшей при рѣкѣ Вэй, впадающей въ Желтую рѣку, въ области Шень-си. Вскорѣ за нимъ прибыло въ столицу Китая посольство отъ Гарунъ-Альрашида. Другіе Арабскіе путешественники отправлялись къ предѣламъ Сѣвернаго Китая черезъ степи нынѣшней Монголіи: отъ береговъ Сыръ-Дарьи они считали сюда около двухъ мѣсяцевъ пути и болѣе. Любопытно одно путешествіе, отправленное въ эти страны халифомъ, въ 846 году, съ ученою

цѣлію—отыскать «Гога и Магога» (Яджуджъ-вѣ-Маджуджъ). Это порученіе возложено было на Селляма, прозваннаго «толмачемъ». Онъ отправился черезъ Кавказъ, и ѣхалъ на востокъ отъ Волги черезъ страны *Башкердъ* (Башкировъ), Вонючую Страну, землю Удкушъ и другія, вѣроятно до «Великой Стѣны» Китайской. Абу-Долефъ, въ 934 году, провожалъ Китайское посольство черезъ тѣ же страны; онъ называетъ, сверхъ того, поколѣнія *Беджнакъ* (Печенѣговъ), Гуззовъ, Хирхизъ (Киргизовъ), Каймаковъ, и многія другія. Господствующимъ народомъ Средне-Азійскихъ степей, въ девятомъ и половинѣ десятаго вѣка, Арабскіе путешественники и географы представляютъ Турецкія (и вѣроятно Монгольскія) поколѣнія Харлуковъ, Гуззовъ и *Тагазгазъ* (вѣроятно *Тагаргаръ*, монгольская династія *Тулга*). Тибетъ былъ также довольно извѣстенъ Арабскимъ географамъ.

Географическія карты, составленныя Арабскими учеными по маршрутамъ каравановъ, не смотря на ихъ несовершенство (онѣ имѣютъ сходство съ «живописными итинераріями,» itinerariа picta, Римлянъ), поясняли и дополняли описанія странъ. Къ сочиненію Истахрія «Книга Климатовъ» приложено девятнадцать ландкартъ X вѣка, представляющихъ намъ наглядно кругъ географическихъ свѣдѣній Арабовъ. Харезмъ, Мавераннегръ и Туркистанъ описаны съ особенною тщательностію. Мы обратимъ вниманіе на карты 18-ю и 19-ю, изображающія эти страны и нижнее теченіе рѣки Джейуна или Аму-Дарьи, отъ Бедехшана до ея впаденія. Эти карты, кромѣ богатой топографіи края, особенно примѣчательны тѣмъ, что доставляютъ важный фактъ для одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ физической географіи края: изъ нихъ мы видимъ, что Аму-Дарья въ десятомъ вѣкѣ имѣла лишь одно русло, какъ и теперь, и впадала въ Аральское озеро («Харезмское» у Арабовъ).

«Географическій Словарь» Якута, составленный въ началѣ XIII вѣка, представляетъ настоящую энциклопедію географическихъ свѣдѣній Арабовъ. Многіе источники, которыми пользовался авторъ, затеряны и сохранились отрывками только въ его словарѣ. О Средней Азіи разсѣяны въ разныхъ статьяхъ этой книги драгоцѣнныя историческія, географическія и этнографическія свѣдѣнія, которыми доселѣ еще не пользовались Европейскіе географы. Статьи «Мавераннегръ», «Харезмъ» «Джейхунъ»,«Бухара», «Самаркандъ», и множество другихъ, наполнены фактами, которыхъ напрасно будемъ искать у другихъ писателей и достовѣрность которыхъ подтверждается повѣркою ихъ съ извѣстіями новѣйшихъ Европейскихъ путешественниковъ. О великой важности этихъ статей можно судить отчасти по статьямъ того же словаря о Руссахъ и Булгарахъ, которыя, бывъ изданы, пролили столько свѣта на этнографію Приволжскаго края десятаго вѣка.

Я упомянулъ сейчасъ о картѣ Истахрія, представляющей намъ устье Аму-Дарьи въ томъ же видѣ, въ какомъ мы знаемъ его теперь. Истоки этой рѣки не съ меньшею точностью означены у Якута: онъ уже упоминаетъ о возвышенности *Бамиръ* (т. е. Памиръ), откуда изливаются воды Аму. Замѣчательно, что Европа почти въ то же время узнала о Памирской возвышенности черезъ знаменитаго Венеціянскаго путешественника, современника Якуту. Но съ тѣхъ поръ, въ теченіи шести столѣтій, Европейцы не слыхали ничего о Памирѣ, пока наконецъ Александръ Бёрнсъ (Burns), собранными имъ свѣдѣніями, и еще болѣе лейтенантъ Вудъ (Wood), личнымъ посѣщеніемъ, не доставили новыхъ и точныхъ свѣдѣній объ истокахъ этой рѣки, — свѣдѣній, вполнѣ подтверждающихъ сказанія Марко-Поло и Якута.

Еще большую пользу географіи оказали Арабы, ста-

раясь утвердить ее на математическихъ и астрономическихъ началахъ. Желаніе имѣть болѣе точныя ландкарты привело ихъ къ учрежденію обсерваторій и къ астрономическимъ наблюденіямъ. Одна изъ обсерваторій была въ Самаркандѣ, и здѣшнія астрономическія таблицы опредѣлили наиболѣе пунктовъ въ Средней Азіи. Замѣчательно, что Европейцы, очень поздно познакомившіеся съ трудами Арабскихъ географовъ и астрономовъ, почти до нашихъ временъ руководствовались этими таблицами, и еще теперь на любой Европейской картѣ Средней Азіи вы найдете города и мѣста такъ, какъ опредѣлили ихъ Бухарскіе астрономы.

Говоря о трудахъ, предпринятыхъ самими Азіатцами для узнанія Азійскаго материка и въ особенности сѣверо-восточной его половины, нельзя упустить изъ виду Китайцевъ, которые болѣе всѣхъ сдѣлали для географіи этой части свѣта. Китай, еще до Рождества Христова, находился въ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ бо̀льшею частію народовъ Средней Азіи; владычество и вліяніе его распространялись къ западу отъ Великой Стѣны гораздо далѣе, чѣмъ теперь. Бактрія, Согдіана и сѣверныя части Персіи, были имъ хорошо извѣстны. Мы уже видѣли ихъ сношенія съ Римлянами и Константинополемъ; мы имѣемъ Армянскія свидѣтельства о сношеніяхъ ихъ даже съ Арменіею въ третьемъ вѣкѣ. Они доходили даже до береговъ Каспійскаго Моря. Многочисленныя ихъ посольства привозили съ собой описанія видѣнныхъ ими странъ «Западнаго края» (*Си-юй*, такъ называли Китайцы всѣ страны отъ себя къ западу, до Каспійскаго и Средиземнаго морей),—и эти оффиціальныя свѣдѣнія сохранились въ государственныхъ лѣтописяхъ Серединнаго Государства. Открытіе «Западнаго края», именно нынѣшней Джунгаріи и Восточнаго Туркистана, Китайцы относятъ

къ 126 году до Р. Х. (*). Здѣсь кстати сказать, что̀ такое географическое «открытіе» въ Китайскомъ смыслѣ.

Когда пограничные народы начинали усиливаться и быть опасными Китаю, правительство отправляло къ нимъ обыкновенно посольство, которое старалось обратить силы грознаго сосѣда на другой народъ. По возвращеніи, посольство представляло «Сыну Неба» донесеніе о видѣнной странѣ, которое записывалось потомъ въ государственныя лѣтописи, и служило памятникомъ «открытія» этой страны, т. е. оффиціальнаго признанія существованія ея Китайскимъ правительствомъ. Слѣдовательно, «открытіе Западнаго края» въ 126 году до Р. Х. вовсе не значитъ, чтобы только тогда страны эти впервые сдѣлались извѣстны Китаю: въ этомъ году сдѣлано лишь оффиціальное ихъ описаніе, а частныя торговыя сношенія, даже кровопролитныя стычки съ народами этого края могли имѣть мѣсто и гораздо прежде, чѣмъ оффиціально признано было ихъ существованіе.

«Открытіе» для Китая странъ, лежащихъ къ востоку отъ Яксарта, сдѣлано полтораста лѣтъ позже, нежели «открытіе» Македонянами Бактріи и Индіи для Европы. Эпоха династіи *Хань*, царствовавшей съ 163 года до Р. Х. по 196 годъ нашей эры, наполнена «открытіями» въ *Си-юй* или Западномъ краѣ, въ обширномъ смыслѣ взятомъ. Во второмъ столѣтіи до Р. Х., Китайцамъ извѣстно уже было тридцать шесть странъ и народовъ на Западѣ. Въ 66 году до Р. Х. ими сдѣлано «открытіе» Каспійскаго Моря. Изъ описаній ихъ видимъ, что торговля съ Китаемъ давно уже процвѣтала во всю широту Средней Азіи, и что главнымъ движителемъ ея былъ

(*) О. Іакинѳъ, *Опис. Чжуньгаріи;* Дегинь и Абель-Ремюза относятъ это событіе къ 122 году; желательно бы согласить это разногласіе.

Римъ. Римскія монеты, найденныя въ разныхъ мѣстахъ Средней Азіи, подтвердили этотъ фактъ. Такъ сильно было еще движеніе, въ которое привели Внутреннюю Азію завоеванія Александра Великаго! Самое стремленіе Китайцевъ на западъ было слѣдствіемъ желанія ихъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Римомъ.

Въ правленіе династіи *Суй* (588—618 по Р. Х.) составлена была карта всего Западнаго края, до Каспійскаго Моря включительно. Бэй-Цзю, инспекторъ инородцевъ, въ 607 году составилъ даже спеціальныя карты сорока четырехъ государствъ Средней Азіи, тогда извѣстныхъ, вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ. Потеря ихъ—невознаградимая потеря для науки. Но и изъ сохранившихся у другихъ писателей отрывковъ изъ этого описанія, видно уже, какъ хорошо извѣстна была Внутренняя Азія Китайцамъ. Бэй-Цзю указываетъ на три главные торговые пути: сѣверный пролегалъ къ озеру Лобъ-Нору и оттуда въ страну Ту-гюй (Монголовъ династіи Тулга), въ столицу ихъ хакана, и наконецъ по рѣкѣ, текущей на сѣверъ, которою можно дойдти до Западнаго (Каспійскаго) моря и до Стамбула (Константинополя). Эта рѣка, вѣроятно, Иртышъ, и отъ нея шли къ Волгѣ тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ отсюда Ермакъ. Средній путь простирался на Карашаръ и Кашгаръ, Фергану и Самаркандъ; оттуда къ Каспійскому Морю и странѣ *По-сы* (Персіи). Наконецъ третій, южный путь шелъ къ югу отъ озера Лобъ на Хотанъ и оттуда черезъ Фаньянь (Бамъянъ) къ Индіи.

Къ интереснѣйшимъ произведеніямъ Китайской литературы принадлежатъ путевыя записки трехъ буддистовъ, которые странствовали къ «святымъ мѣстамъ» своей вѣры, въ Индію, Тибетъ и къ Гиндукушу, въ 400 году, въ началѣ VI столѣтія, и въ 632 году. Записки ихъ, заключающіяся въ сочиненіи, извѣстномъ подъ заглавіемъ *Фу-го-цзы*, «Описанія буддійскихъ государствъ»,

содержатъ въ себѣ и любопытныя географическія данныя о странахъ, лежащихъ у сѣвернаго Инда и Гиндукуша и даже сѣвернѣе, о Бамъянѣ, Памирѣ, Биллоуръ-тагѣ, Аму-Дарьѣ и Бухарѣ.

Когда Арабы сдѣлали первое нападеніе на Мавераннѣгръ, Восточный Туркистанъ принадлежалъ уже Китайцамъ, и два могущественныхъ народа Азіи пришли въ соприкосновеніе.

Не смотря на богатое содержаніе Китайскихъ извѣстій о сосѣдственныхъ странахъ и народахъ, Европейская наука часто встрѣчаетъ важное препятствіе къ употребленію этихъ источниковъ для поясненія древней и средней исторіи и географіи Внутренней Азіи: это собственныя имена описываемыхъ ими народовъ. Китайцы давали всѣмъ инородцамъ Китайскія прозвища, которыя притомъ часто измѣняли, и мы, имѣя подъ руками любопытныя данныя, остаемся нерѣдко въ недоумѣніи, куда ихъ пріурочить.

Драгоцѣнные матеріалы, которые Китайцы съ древнѣйшихъ временъ и мусульманскіе народы съ VII вѣка собирали относительно геóграфіи Средней Азіи, оставались однакожъ до прошедшаго столѣтія невѣдомыми Европейцамъ, при тогдашней недоступности этихъ литературъ, и до сихъ поръ еще они далеко не вполнѣ исчерпаны.

Въ средніе вѣка, Западная Европа не имѣла ни средствъ, ни побужденій узнавать Азію, пока въ слѣдствіе крестовыхъ походовъ Генуэзцы не завели торговыхъ факторій на берегахъ Чернаго Моря. Овладѣвъ предмѣстьями Константинополя и поселившись въ Крыму и на устьяхъ Дона, граждане Генуи замѣстили Византію въ торговомъ мірѣ и вступили въ сношенія съ западною частію Средней Азіи. Изъ Крыму и съ береговъ Дона торговый путь ихъ обратился на Харѣзмъ и Мавераннѣгръ. Купцы ихъ доходили, по видимому, до предѣловъ

Китая и до Индіи. Къ сожалѣнію, Генуэзцы болѣе заботились о своихъ барышахъ, чѣмъ о гласности своихъ географическихъ открытій, и мы получили только краткія извѣстія объ этихъ торговыхъ путяхъ, сохранившіяся въ сочиненіи Бальдуччи Пеголетти (1335 года), который сообщаетъ тогдашній маршрутъ изъ Таны (Азова) въ Cathay: черезъ Gintarchan (Астрахань) на Сарай, оттуда черезъ Saracanca (Сарайчикъ) въ Organci (Ургѐнджъ); отсюда до Oltrarra (Отра́ръ) 35 или 40 дней пути; а изъ Отрара до Алмалыка (Armaleccо) 45 дней; тутъ безпрерывно встрѣчаешь *Moccoli*, т. е. Монголовъ. Изъ Алмалыка 70 дней пути до *Catexu* (Гань-чжеу?) и еще 40 дней до рѣки Кара-Моринъ. Отсюда можно ѣхать въ Cassaï, откуда остается лишь 30 дней пути до Jamaleccо (Канбалыка), столицы Китая. Купцы отращивали себѣ бороду, одѣвались въ восточное платье и брали съ собой толмачей. Они возили товаровъ нерѣдко на сумму до 25 тысячь дукатовъ. Всѣ путевыя издержки до Пекина обходились не дороже 300 или 350 дукатовъ.

Между тѣмъ, какъ Генуэзцы, по торговымъ расчетамъ, берегли про себя собранныя объ Азіи свѣдѣнія, въ исторіи этой части свѣта совершилось событіе, которое вскорѣ привело Западную Европу въ прямое соприкосновеніе съ племенами Верхне-Азійскихъ террасъ. Это—появленіе Монголовъ и быстрыя завоеванія Чингисъ-Хана и его преемниковъ. Испуганные вторженіемъ Монголовъ въ Европу, папа и Французскій король, какъ прежде Византійцы, стали думать о томъ, какъ бы отвлечь вниманіе Средне-Азійцевъ отъ Европы; они думали направить ихъ противъ бусурманъ Западной Азіи и притомъ обратить ихъ въ христіанство. Съ этою вмѣстѣ политическою и благочестивою цѣлію отправлены были, въ половинѣ XIII столѣтія, миссіонеры въ степи Средней Азіи. Монахи Плано-Карпини и Рёйсбрукъ являлись къ ставкамъ великаго хана, не достигали цѣли своихъ посольствъ,

но за то возвращались домой съ новыми извѣстіями о Верхней Азіи.

Изъ шести монаховъ, отправленныхъ папою въ 1246 году, только Плано-Карпини доѣхалъ до орды каана. Уже за Кіевомъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, встрѣтилъ онъ передовые отряды Татаръ. Орды ихъ кочевали и при Донѣ, Волгѣ и Яикѣ. Страну, орошаемую этими четырьмя рѣками, Плано-Карпини называетъ Команскою. За Яикомъ была ставка Батыя. Отъ нея посольство отправилось къ императору Cuyne (Куюкъ-Ханъ, внукъ Чингисовъ), черезъ земли Кангитовъ (Хвалисы нашихъ лѣтописей), Бисерминовъ (Харѣзмъ), Черныхъ Китаевъ (Кара-Хатай), далѣе по южному берегу «небольшаго моря» (Байкала), черезъ страну Найманов, въ землю «Монголовъ, которыхъ называютъ Татарами»: здѣсь была ставка «императора», называвшаяся *Сыра-Орда* или «Желтою ордою», а нѣсколько далѣе другая ставка съ ханскимъ шатромъ, называемымъ «Золотою Ордою» (Orda aurea). Плано-Карпини попалъ въ самое торжественное время въ Ордѣ: тогда происходили празднества по поводу вступленія на престолъ Куюкъ-Хана. Благочестивый миноритъ имѣлъ хорошій случай наблюдать обычаи и нравы Монголовъ. Послѣ аудіенціи, его отпустили, и онъ возвратился тѣмъ же путемъ. Въ сочиненной имъ «Исторической книжкѣ», Libellus historicus, Плано-Карпини оказался весьма безпристрастнымъ для христіанина того вѣка; онъ такъ же выставляетъ хорошія стороны Монгольскихъ нравовъ и характера, какъ и дурныя, и этнографическое описаніе — лучшая часть его «Книжки». Общія географическія свѣдѣнія его были довольно ограничены, что̀ видно особенно тогда, когда онъ старается обобщить собранныя имъ частныя свѣдѣнія о видѣнномъ краѣ; но послѣднія собраны довольно удачно и могли дать общее понятіе о пройденныхъ посольствомъ странахъ, владѣтели которыхъ

оказались вовсе не такими страшными «выходцами изъ Тартара» (Tartarei, Tartari), какими ихъ представляли себѣ въ католической Европѣ. Напротивъ того, въ нихъ открыто было болѣе вѣротерпимости, нежели сколько было его на Западѣ, и папы тѣмъ болѣе утвердились въ мысли о возможности воспользоваться этою слабою стороною все еще страшныхъ завоевателей, чтобы обратить ихъ въ вѣру Христову. Посольство за посольствомъ отправляемы были съ этою заботливою цѣлью о чужомъ душеспасеніи; не многія доходили до главной Орды и ни одно не достигло своей цѣли. Монголы, съ своей стороны, также отправляли посланцевъ въ Европу съ предложеніями мира и дружбы.

Французскій король Людовикъ IX Святой, въ недоумѣніи отъ вѣротерпимости «Тартаровъ», о которой до того распространился слухъ въ Европѣ, что полагали даже, что ханъ ихъ обратился въ Христіанство, рѣшился отправить къ нимъ пословъ съ секретною цѣлью, провѣдать наконецъ, какую вѣру исповѣдуетъ Монгольскій каанъ. Это порученіе возложено было на отца Вильгельма, изъ Рёйсбрука (Van Ruysbroek; латинизированная фамилія его Rubruquis). Онъ двинулся въ путь въ 1252 году. За Дономъ встрѣтилъ онъ ѣдущій городъ на телѣгахъ, то есть перекочевку, Джагатая, и пробылъ съ нимъ десять дней. Къ сѣверо-востоку отъ Азовскаго Моря, въ безплодной степи, кочевали «Команы, называемые Капчатами» (Кыпчакъ). Послѣ двухъ мѣсяцевъ тягостнаго пути Рёйсбрукъ прибылъ къ берегамъ Волги, гдѣ разбиты были станы Сартака и самаго Бату-Хана. Отсюда уже посольство отпущено было въ столицу Мёнгке-Хана, Каракорумъ. Рёйсбрукъ ѣхалъ черезъ Яикъ, страною Pascatir (Башкировъ), черезъ города Kenchat, Galach, Equius и Caïlac, лежащій въ странѣ Organum, потомъ землею Уйгуровъ до самаго Каракорума. Но Орда Мёнгке-Хана была тогда за этимъ городомъ

къ сѣверу, куда и должны были слѣдовать посланники. Въ Каракорумѣ Рёйсбрукъ встрѣтилъ множество Нѣмцевъ, Французовъ и другихъ Европейцевъ, военноплѣнныхъ, которые занимались дѣланіемъ оружія и другими ремеслами; многіе изъ нихъ употреблялись на разработку рудниковъ въ мѣстѣ Bocol, въ двухъ дняхъ пути къ сѣверу отъ столицы. Умный Мёнгке терпѣливо выслушалъ рѣчь пословъ и отпустилъ ихъ обратно съ ярлыкомъ (грамматою) къ ихъ царю, называемому *Ира-д-Варансъ* (т. е. *Руа де Франсъ*, roi de France).

Путешествіе Рёйсбрука дополняло и подтверждало описаніе Плано-Карпини. И онъ, подобно своему предшественнику, обращалъ болѣе вниманія на нравы и обычаи видѣнныхъ народовъ, оставляя въ сторонѣ землеописаніе. Особенно любопытны собранныя имъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Несторіянъ въ Монголіи и подтвержденіе исторіи о попѣ Іоаннѣ, котораго Рёйсбрукъ признаетъ въ Унгъ-Ханѣ, Монгольскомъ князѣ, правителѣ поколѣній Мекритъ и Кераитъ, обращенномъ Несторіянами и умершемъ лѣтъ за пятьдесятъ до его путешествія.

Изъ разсказовъ Карпини и Рёйсбрука Западная Европа ознакомилась нѣсколько съ обширными степями, простирающимися отъ Волги и Урала до Китая, и съ ея народами. Замѣчательно, что еще на пути въ Монголію, Рёйсбрукъ слышалъ въ Константинополѣ о большомъ возвышеніи этой части Азіи: наблюденіе, которое подтвердила наука и вслѣдствіе чего родилось нынѣшнее наименованіе «Верхней Азіи». Неопредѣленное названіе *Скиѳіи*, которое до XIII вѣка распространяли на всю эту полосу земли, замѣнилось новымъ именемъ *Татарія* или *Тартарія;* послѣдняя форма сдѣлалась общеупотребительнѣе, потому что понятнѣе, намекая на происхожденіе враговъ Христіанства изъ языческаго Тартара. Этимъ прозвищемъ Европейскіе географы означали

сѣверную часть Верхней Азіи даже до нашего времени, раздѣляя еще свою «Тартарію» на Великую, Малую, Независимую, и т. п.

Съ возвращеніемъ Рёйсбрука совпадаетъ поѣздка въ Орду къ Мёнгке-Хану Армянскаго царевича Гайтона, который также описалъ видѣнныя имъ на пути страны и народы; но его сухія описанія сообщаютъ немного свѣдѣній, которыхъ бы нельзя было найдти и полнѣе и основательнѣе въ путешествіяхъ двухъ миссіонеровъ.

Съ путешествіемъ Рёйсбрука въ столицу Монгольскаго каана совпадаетъ также начало странствованій знаменитыхъ Венеціанцевъ Пòло, изъ которыхъ младшему суждено было узнать бòльшую часть Азіи, какъ не зналъ до него никто изъ Европейцевъ, и пріобрѣсти объ этой части свѣта болѣе свѣдѣній, нежели сколько собрано было о томъ Европою со времени Геродота.

Братья Пòло, подобно папскимъ легатамъ, вступили въ Среднюю Азію черезъ Россію. Поднявшись до Булгара, они черезъ нынѣшнія Киргизскія степи достигли Бухары, гдѣ пробыли три года (1261—1264); но потомъ отправились въ Сѣверную Персію, откуда съ посольствомъ проѣхали черезъ Балхъ, Бедехшанъ и Восточный Туркистанъ въ степи Монголіи, въ столицу великаго хана. Послѣ девятнадцати лѣтъ отсутствія, Николо и Маттіо Пòло возвратились въ Венецію (1269), но не долго оставались на родинѣ. Черезъ годъ они снова собрались на Востокъ, и старшій братъ Николо взялъ съ собою двадцатилѣтняго сына своего Марка, будущаго автора ихъ Одиссеи. Марко Пòло представленъ былъ Кублай-Хану, понравился ему, и остался у него на службѣ. Какъ довѣренное лицо хана, онъ изъѣздилъ вдоль и поперегъ его владѣнія; видѣлъ источники Аму-Дарьи, Кашгаръ, Яркендъ, Кокандъ, Хотанъ, Хамуль, Каракорумъ, былъ въ Тибетѣ, Монголіи и Китаѣ. Онъ обращалъ вниманіе на все, ин-

тересное для пытливаго Европейца, на человѣка и на природу. Сочиненіе его, ученому достоинству котораго вредитъ лишь недостатокъ методическаго изложенія, составляетъ эпоху въ исторіи географіи Средней Азіи: это былъ новый міръ, открытый для Европы. Марко-По́ло не ограничивался близорукимъ воззрѣніемъ миссіонеровъ и тѣснымъ поприщемъ ихъ описаній; его путешествіе объемлетъ почти всю Азію. Не смотря на то, что изъ книги его трудно узнать, что́ онъ видѣлъ лично и что́ слышалъ отъ другихъ, почти всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, даже наиболѣе неимовѣрныя, подтверждены новѣйшими наблюденіями, какъ подтверждены извѣстія Геродота. Знаменитый Венеціянецъ съ любовью описываетъ степи, въ которыхъ провелъ лучшіе годы свои, и просвѣщеніе Монголовъ и Китайцевъ, которому не хотѣли вѣрить его современники.

Аравитяне имѣли своего Марко-По́ло въ XIV столѣтіи: знаменитый Ибнъ-Батута, въ своемъ кругосвѣтномъ странствованіи, коснулся и Средней Азіи; онъ былъ въ Харезмѣ, Бухарѣ, Самаркандѣ, Балхѣ и на Гиндукушѣ. Съ другой стороны, онъ посѣтилъ прибрежные города Китая, Зайтунъ (Цзю-тхунъ) и Ханса́ (Шеньси).

Число путешественниковъ на Востокъ увеличилось послѣ Марко-По́ло; но не многіе оставили путевыя записки, а изъ тѣхъ, которыя сохранились, не многія прибавляютъ что-либо къ познанію Средней Азіи. Благочестивый миноритъ Іоаннъ де-Монтекорвино (1288—1330), утвердившись въ Канбалыкѣ (Пекинѣ), заботился о душеспасеніи Китайцевъ и Монголовъ, а не о ихъ этнографіи. Францисканецъ Одерикъ изъ Порденона (Orderic de Portenau) разсказываетъ лишь о чудесахъ и мученичествахъ; замѣчательно впрочемъ, что онъ былъ и въ Тибетѣ и первый упоминаетъ о « папѣ надъ язычниками», т. е. о Далай-Ламѣ. Но всѣхъ ихъ далеко превзошелъ баснословіемъ своихъ разсказовъ Іоаннъ де-Мандевиль

(1332—1372), который имѣлъ счастіе видѣть даже Среднеазійскаго попа Іоанна, окруженнаго 12 архіепископами и 220 епископами!! Вмѣсто положительныхъ свѣдѣній, преемники Марко-Пóло утвердили въ Европѣ сказку о попѣ Иванѣ, уже сто лѣтъ какъ объясненную Рёйсбрукомъ. Отъ нихъ нужно отличить впрочемъ Испанца Клавихо (de Clavijo), который отправленъ былъ посломъ къ Тамерлану (1403—1406 г.) и описалъ свое пребываніе въ Самаркандѣ. Этотъ городъ былъ тогда столицею Тамерлана и однимъ изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ во всей Азіи; здѣсь сосредоточивалась почти вся торговля и всѣ богатства Средней Азіи. Клавихо только-что выѣхалъ изъ Самарканда, когда Тамерланъ померъ и начались междоусобія его преемниковъ.

Между путешественниками XV столѣтія обратилъ на себя вниманіе одинъ Баварскій солдатъ, по имени Шильтбергеръ, котораго судьба войны передавала изъ рукъ въ руки разнымъ народамъ Азіи. Взятый въ плѣнъ Баезидомъ и имъ завербованный въ Османскую армію, онъ отнятъ былъ у него Тамерланомъ, и потомъ нѣсколько разъ перемѣнялъ повелителей и пробылъ на Востокѣ болѣе тридцати лѣтъ. Не смотря на малограмотность, записки его заключаютъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ о Средней Азіи, которыми можно воспользоваться. Для насъ любопытны въ особенности его разсказы о Сибири, гдѣ онъ служилъ въ войскѣ Едигея, и вообще о событіяхъ въ Золотой Ордѣ.

Но вотъ, въ противоположность невѣжественнымъ Европейскимъ путешественникамъ XIV и XV вѣка, ученая Персидская экспедиція, снаряженная въ 1419 году сыномъ Тамерлана, Шахъ-Рухомъ, въ Китай. Она состояла изъ разныхъ ученыхъ и живописцевъ, подъ начальствомъ Шади-Ходжи. Веденный ею журналъ сохранился у Персидскаго историка Мирхонда. Посольство отправилось изъ Герата и Самарканда, и шло черезъ

Ташкендъ, Сайрамъ, Ушъ, Монгольскую пустыню до Сучжеу, перваго Китайскаго города, и оттуда до Канбалыка или Пекина. Главное свое вниманіе оно обратило на особенности Китайскаго быта.

Изъ Марко-Пóло мы видѣли, что Монгольскіе ханы сами заботились о собираніи свѣдѣній о своихъ владѣніяхъ. Одинъ изъ потомковъ Тамерлана, султанъ Бабѣръ, уроженецъ береговъ Сыръ-Дарьи, является въ первой четверти XVI столѣтія первымъ писателемъ, историкомъ и географомъ своего народа. Изъ небольшаго своего удѣла, Ферганы, успѣвъ сдѣлать обширную державу, обнимавшую часть Мавераннегра, Афганистанъ и Сѣверную Индію, основатель династіи Великихъ Моголовъ, въ своихъ записках, которыя во многихъ отношеніяхъ можно сравнить съ «Комментаріями» Юлія Цезаря, описываетъ подробно и довольно систематически физическія и этнографическія особенности принадлежавшихъ ему странъ. Извѣстія его, какъ извѣстія Марко - Поло, при малоизмѣняемости Среднеазійской природы, вѣрны еще и теперь, и служатъ повѣркою новѣйшихъ извѣстій.

Другой потомокъ Чингисъ-Хана, Абульгазы, ханъ Харезмскій (или Хивинскій), жившій сто лѣтъ послѣ Бабера, въ своемъ историческомъ сочиненіи «Книга древа Турецкаго», собралъ также много точныхъ свѣдѣній о географіи и этнографіи западной части Средней Азіи, Харезма и Мавераннегра.

Рядъ географическихъ извѣстій о странахъ, возбудившихъ вниманіе Европы вслѣдствіе завоеваній Чингисъ-Хана, мирно заключили два ученыхъ хана, потомки Чингиса.

Неважное по видимому событіе—изгнаніе Іезуитовъ изъ Японіи, въ исходѣ XVI столѣтія,—снова открыло Европейцамъ путь въ Среднюю Азію со стороны Китая, и обогатило науку подробными географическими

свѣдѣніями, наблюденіями астрономическими и картами этого материка. Изгнанные изъ Японіи, католическіе миссіонеры нашли убѣжище въ Китаѣ, успѣли пріобрѣсти довѣріе и силу при Пекинскомъ дворѣ, и стали завѣдывать Астрономическою Коллегіею. Патеры Риччи, Шаль и Вербистъ и ихъ преемники Гобиль, Жербиліонъ, Паренненъ, Премаръ, Майльи, Аміо, Дюгальдъ и другіе, іезуиты и другихъ орденовъ, до половины прошедшаго столѣтія дѣятельно трудились на пользу географіи. Записки и письма ихъ, собранныя подъ заглавіемъ Lettres curieuses et édifiantes, составляютъ богатый матеріалъ для географіи и этнографіи Китая и подчиненныхъ ему странъ Средней Азіи; но важнѣйшимъ результатамъ ихъ трудовъ была подробная карта Серединной Имперіи, изданная въ 1760 году самимъ правительствомъ на 104 листахъ. Многіе изъ іезуитовъ сопровождали императоровъ въ ихъ поѣздкахъ въ отдаленныя провинціи; другіе сами получали позволеніе путешествовать въ земляхъ Сына Неба. Патеръ Гоэсъ проѣхалъ въ 1706 году изъ Индіи въ Пекинъ чрезъ Кашгаръ, Яркендъ и великую степь Гоби, и повѣрилъ многія извѣстія Марко-По́ло. Все это привело къ подробному описанію Китая, Маньджуріи и Монголіи, за которое наука обязана іезуитамъ и правленію Ка́нъ-Си.

Поселеніе католическихъ миссіонеровъ въ Японіи и Китаѣ было слѣдствіемъ колонизаціи Европейцевъ въ Индіи. Съ постепеннымъ распространіемъ тамъ Англійскаго владычества, мы начали болѣе и болѣе знакомиться и съ сосѣдними странами. Но только въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англичане могли обратить вниманіе и на неизслѣдованный еще колоссальный хребетъ Гималая, южную грань Азійскаго материка. Экспедиція Вебба и Муркрофта, и съемки Кра́форда (1802) принесли наконецъ любопытныя и важныя свѣдѣнія о необыкновенной высотѣ этого хребта.

Изъ этого, по видимому, длиннаго ряда писателей о географіи Средней Азіи, Европейцы могли извлечь обстоятельные факты только изъ немногихъ авторовъ. Вся древность приносила лишь сомнительную номенклатуру страны и немного точныхъ свѣдѣній. Восточные писатели и монументальныя надписи были недоступны; слѣдовательно, только папскіе легаты XIII и XIV столѣтій и великій путешественникъ Марко-Поло, да «Записки о Китаѣ», изданныя миссіонерами, доставляли о природѣ и человѣкѣ Верхней Азіи подробности, которыя позволяли ученымъ составить общую и сколько-нибудь опредѣлительную картину этого материка. Вотъ всѣ матеріалы, которыми должна была довольствоваться Европейская эрудиція до начала прошедшаго столѣтія!

Мы доселѣ не упоминали еще объ участіи Россіи въ расширеніи географическихъ свѣдѣній о Средней Азіи, тогда какъ она прежде Западной и Южной Европы долженствовала ознакомиться съ прилежащими къ ней степями и оазисами Востока. Но этимъ мы не нарушимъ исторической послѣдовательности обогащенія науки о Средней Азіи, потому что запасъ географическихъ свѣдѣній, собранныхъ Россіею съ отдаленныхъ временъ, дѣлался доступнымъ ученому міру по мѣрѣ большедоступности и общеизвѣстности самой Россіи; притомъ же отношенія нашего отечества къ Востоку были всегда совершенно иныя, нежели отношенія Европы Западной.

Съ самаго начала Русскаго Государства мы находимъ Россію уже въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ народами Внутренней и даже Западной Азіи. Вся степная полоса нынѣшней Новороссіи занята Турецкими поколѣніями, выходцами изъ Средней Азіи, — Печенѣгами; между Дономъ и Волгою господствуютъ Хазары; далѣе къ Уралу, Турки-Гуззы. Скандинавскія саги не напрасно называли эту полосу земли Tyrkland: это дѣйствительно была Европейская Турція VIII, IX и X вѣка. Бул-

гарская ярмарка, какъ нынѣшняя Нижегородская, привлекаетъ къ себѣ купцовъ изъ Мавераннегра, Харезма и странъ халифата. Въ началѣ X вѣка, въ деревянныхъ стѣнахъ столицы Волжскихъ Булгаръ развѣвается черное знамя Аббасидовъ, и эта часть нынѣшней Симбирской и Казанской губерній входитъ въ составъ колоссальнаго халифата. Купеческіе караваны съ береговъ Волги начинаютъ ходить черезъ Киргизскую степь въ Бухару и Самаркандъ; партіи Волжскихъ Булгаровъ вскорѣ рѣшаются даже на отдаленныя странствованія въ священную Мекку.

Несторъ, первый нашъ лѣтописецъ, знаетъ уже путь по Волгѣ въ Азію, или по его выраженію, *на Въстокъ въ жребіи Симовѣ*. По извѣстіямъ о различныхъ Турецкихъ поколѣніяхъ, кочевавшихъ въ Россіи,—Печенѣгахъ, Половцахъ, Торкахъ, Торкменахъ,—Несторъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Византійцами, долженъ быть причисленъ къ древнѣйшимъ источникамъ для этнографіи Туркскихъ племенъ, уроженцевъ Средней Азіи. Продолжатели его доставляютъ къ тому еще болѣе матеріаловъ. Подъ 1223 годомъ впервые внесено въ лѣтописи грозное имя *Татаръ*.

Съ нашествія Монголовъ Россія еще тѣснѣе соединяется съ Среднею Азіею: какъ данница Батыевъ и Тамерлановъ, она сама, въ политическомъ отношеніи, составляетъ часть колоссальной Средне-Азійской Державы, подвижная столица которой на берегахъ Селенги или Сыръ-Дарьи; и Марко-Поло не напрасно называетъ ее « провинціею», provinzia di Russia. Одна и та же государственная мысль носилась надъ порабощенною Русью, степями Монголіи, Бухары и Сѣверной Персіи. Персидскіе и Русскіе данники, князья и послы, одинаково стремились чрезъ степи Средней Азіи къ ставкѣ каана. Наши лѣтописи наполняются нѣкоторыми подробностями и новыми свѣдѣніями о лежащемъ на пути

къ ханской Ордѣ пространствѣ. Слѣдовательно, прежде папскихъ миссіонеровъ, привезшихъ новыя свѣдѣнія о Средней Азіи въ Европу, Россія знала уже этотъ край и имѣла о немъ письменныя свѣдѣнія въ своихъ временникахъ. Весьма вѣроятно, что многими свѣдѣніями о Татарахъ, Плано-Карпини, (какъ и всѣ позднѣйшіе Европейцы, ѣздившіе чрезъ Россію въ Среднюю Азію) обязанъ Русскимъ, которыхъ встрѣчалъ во всѣхъ владѣніяхъ хана и на которыхъ онъ указываетъ въ заключеніи своего сочиненія.

Замѣтимъ, что съ эпохи крестовыхъ походовъ Россія начала расширять свои географическія познанія и о Западной Азіи. Съ Даніила Паломника начинаются довольно частыя странствованія Русскихъ людей ко Святымъ мѣстамъ. Нельзя забыть также и одного изъ примѣчательнѣйшихъ путешествій XV вѣка, совершеннаго около 1470 года Аѳанасіемъ Никитинымъ, изъ Твери въ Индію, черезъ Сѣверную Персію.

По сверженіи Татарскаго владычества, когда князья, послы и торговые люди перестали ѣздить въ Орду, раскинутую то на Сыръ-Дарьѣ, то далѣе къ востоку, Великое Княжество Московское принуждено было ограничить постоянныя торговыя и дипломатическія сношенія лишь западною частію Средней Азіи, или Бухарой и Харезмомъ. Около половины XVI столѣтія, снова начались наши сношенія съ югозападною Сибирью. Паденіе Казани и Астрахани устрашило Сибирскаго хана, и онъ самъ предложилъ Москвѣ ежегодную дань. Тридцать лѣтъ спустя, завоеванія Ермака утвердили тамъ Русское владычество, и партіи отважныхъ пробѣгали всю Южную Сибирь, часть Монголіи и переступили за Китайскую границу.

Въ приказахъ Московскихъ, еще издолго до Ермака, собраны были географическія свѣдѣнія о странахъ, лежащихъ къ востоку отъ Урала. Къ примѣчатель-

нѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ извѣстія о древнѣйшемъ путешествіи Русскихъ въ Китай въ 1567 году. Царь желалъ узнать, какія страны лежатъ за Сибирью и отправилъ двухъ казацкихъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева съ дружественными грамматами къ неизвѣстнымъ властителямъ неизвѣстныхъ народовъ. Они возвратились, совершивъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ путешествій, и, говоря словами лѣтописи, *гдѣ которые города видѣли за Сибирью, Китайскому государству и Мунгальской землѣ и инымъ мѣстамъ жилымъ и кочевымъ, и прочимъ дорогамъ и рѣкамъ, и тѣмъ всѣмъ вывезли сказку и роспись.* Описывая «Желтый народъ Мунгальскій», простодушные путешественники и не подозрѣвали, что это былъ тотъ же самый народъ, которому еще недавно покорна была и Москва. Смѣлые атаманы спустились къ югу отъ Байкала и чрезъ Монголію проникли до Пекина; они подробно описываютъ свой маршрутъ, и по слухамъ всю полосу отъ Бухары до Кореи, упоминая о Туркистанѣ, Кашгарѣ и Тангутѣ. Послѣ Марко-Поло это было первое путешествіе Европейцевъ въ Сѣверный Китай.

Въ 1620 году, новый смѣлый странствователь, казакъ Иванъ Петлинъ, по слѣдамъ Петрова и Ялычева, также проникъ до Пекина.

Но что́ болѣе всего свидѣтельствуетъ объ обиліи хорошихъ географическихъ свѣдѣній о Средней Азіи, собранныхъ нашими князьями даже до эпохи завоеванія Сибири, такъ это древнѣйшая карта Московскаго государства, составленная въ Розрядѣ въ концѣ XVI вѣка, дополненная въ 1627 году, и извѣстная подъ названіемъ *Книги Большему Чертежу.* Нельзя и сомнѣваться въ томъ, что матеріалы, которыми пользовались составители «Книги», собраны были не въ то время, а въ продолженіи столѣтій, и хранились въ Розрядѣ. Доказательствомъ тому служитъ упоминовеніе въ Книгѣ вла-

дѣній и урочищъ, не существовавшихъ во время составленія ея, напримѣръ Золотой Орды на Ахтубѣ. «Книга Большому Чертежу» есть сводъ географическихъ свѣдѣній о Россіи и сосѣднихъ странахъ, составленный по оффиціальнымъ документамъ, для объясненія подробной карты, которая къ сожалѣнію до насъ не дошла въ подлинникѣ, но которую легко возстановить по старинным картамъ Московіи, изданнымъ вскорѣ Европейскими географами. Честь послѣдней редакціи Книги принадлежитъ думному дьяку Ѳедору Лихачеву и дьяку Михайлу Данилову.

«Книга Большому Чертежу», по новости сообщенныхъ ею географическихъ извѣстій, особенно въ отношеніи къ Сѣверозападной Азіи, должна занимать въ исторіи всеобщей географіи одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Въ отношеніи къ Средней Азіи, она сообщаетъ топографію и гидрографію Аральскаго бассейна (Синяго Моря) и рѣчныхъ системъ Аму и Сыръ-Дарьи, до Яркенда и Ташкенда. Главная заслуга книги состоитъ не въ подробности свѣдѣній, а въ ихъ точности, потому что, говоря собственными ея словами, *въ томъ чертежѣ мѣра верстами и миляхи и конскою ѣздою, сколько ѣхать станичною ѣздою на день написана, и мѣра верстамъ положена.*

Покореніе Константинополя Османами, уничтоживъ существованіе единовѣрной державы, заставило Московію искать дипломатическихъ связей съ иновѣрцами, и сблизиться съ Западною Европою. Съ начала XVI столѣтія, послы Священной Имперіи, папскіе легаты и Англійскіе купцы начали часто посѣщать Россію, и до насъ дошло болѣе семидесяти описаній ихъ путешествій въ теченіе одного столѣтія. Бо́льшая часть ихъ, описывая Московію, упоминаетъ и о Сибири, о Джагатаѣ и другихъ сосѣдственныхъ частяхъ Азіи. Не бывавъ далѣе Москвы или Азова, они могли собрать эти свѣдѣнія

лишь въ Россіи; и это служитъ новымъ подтвержденіемъ тому, что мы искони обладали хорошимъ запасомъ географическихъ извѣстій о сосѣдней Азіи. Только Дженкинсонъ, бывшій пять разъ въ Московіи, съ 1557 по 1571 годъ, имѣлъ случай завязать торговлю на Мангкышлакѣ и проникнуть оттуда съ караваномъ въ Ургенджъ и Бухару (the citie of Boghar in Bactria). Путешествіе Дженкинсона особенно важно тѣмъ, что онъ опредѣлилъ широту многихъ мѣстъ.

Въ семнадцатомъ столѣтіи начались частыя сношенія наши съ Китаемъ. Первое оффиціальное посольство отправлено было въ 1654 году подъ начальствомъ боярскаго сына Ѳедора Исаковича Байкова; но еще до него Сибирскіе воеводы неоднократно посылали туда своихъ посланцовъ. Посольства эти приносили съ собою болѣе или менѣе обстоятельныя извѣстія о своихъ путешествіяхъ. Описаніе посольства Байкова примѣчательно еще тѣмъ, что вскорѣ переведено было на Голландскій, Французскій, Англійскій и даже Новогреческій языки (на послѣдній вѣроятно однимъ изъ Греческихъ толмачей въ Москвѣ, бывшихъ въ Пекинѣ съ посольствомъ Спафарія).

Къ царствованію Алексѣя Михайловича принадлежатъ также первыя извѣстія объ Амурѣ, принесенныя Томскимъ казакомъ Иваномъ Москвитинымъ (1639), и двѣ экспедиціи, предпринятыя для ближайшаго узнанія и описанія этой рѣки: въ 1643 году письменнымъ головою Василіемъ Поярковымъ и въ 1652 году казачьимъ десятникомъ Никитою Прокопьевымъ. Въ то же время смѣлый промышленникъ Ерофей Хабаровъ довершалъ покореніе Дауріи Русскому царству. Основаніе Албазинскаго острога на Амурѣ Русскими выходцами ввело наше правительство въ непріязненныя отношенія къ Китайскому, пока наконецъ, по Нерчинскому договору въ 1689 году, наши владѣнія по Амуру,

столь славно пріобрѣтенныя горстью отважныхъ промышленниковъ и казаковъ, не уступлены были Китаю.

При Алексѣѣ Михайловичѣ вырѣзана была въ Москвѣ на деревѣ и карта всѣхъ странъ отъ Новой-Земли до Китая, составленная тогдашнимъ Сибирскимъ воеводою Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ, которою въ послѣдствіи пользовался Витсенъ.

Изъ этого видно, какъ мы уже замѣчали, что и до временъ Петра Великаго мы имѣли въ архивахъ богатый запасъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ обо всей полосѣ Средней Азіи, въ обширномъ смыслѣ взятой, отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго Моря до береговъ Китая; но, при младенчествѣ нашей ученой дѣятельности въ то время, этими свѣдѣніями могло пользоваться одно правительство, да немногіе иностранные резиденты, которые явно черпали свои свѣдѣнія о Сибири и восточныхъ странахъ не изъ однихъ разсказовъ, но и изъ письменныхъ источниковъ. Въ нѣкоторыхъ нашихъ сборникахъ впрочемъ сохранились также отрывки этихъ извѣстій; но, къ сожалѣнію, немногія изъ нихъ изданы до сихъ поръ. Замѣчательно, что когда, при Алексѣѣ Михайловичѣ и особенно при Петрѣ Великомъ, отечественные ученые начали знакомиться съ Европейскими сочиненіями и переводить на Русскій языкъ разныя Европейскія географіи, они вовсе не имѣли въ виду собственнаго запаса географическихъ фактовъ объ Азіи, и, рабски слѣдуя за новыми учителями, простодушно повторяли объ этой части свѣта нелѣпости среднихъ вѣковъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія, явилось на Голландскомъ языкѣ обширное сочиненіе, которое, можно сказать, вновь открыло Среднюю Азію для Европы, забывшей о ней съ паденія Монголовъ, — важнѣйшее сочиненіе, какое написано о Сѣверо-Восточной Азіи по-

слѣ Марко-Пóло: это книга ученаго Амстердамскаго бургомистра Николая Витсена, напечатанная въ этомъ городѣ въ 1672 году, подъ заглавіемъ: *Съверная и Восточная Тартарія, или основательное описаніе нѣкоторыхъ земель и народовъ, которые прежде были извѣстны, равномѣрно разныхъ по сіе время еще неизвѣстныхъ и, большею частію, никогда прежде не описанныхъ Татарскихъ и сосѣднихъ странъ, земель, городовъ, рѣкъ и мѣстъ въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ Азіи и Европы, лежащихъ какъ за рѣками Дономъ и Обью, такъ и между ними и около Каспійскаго, Остъ-Индскаго и Чернаго морей, какъ то земель: Ніухе, Дауріи, Іессо, Мугаліи, Кальмакіи, Тангута, Узбека, Сѣверной Персіи, Грузіи, Черкассіи, Крыма, Алтына, Тунгузіи, Сибири, Самоѣдской и другихъ, принадлежащихъ коронѣ Его Царскаго Величества; съ картами ихъ и т. д.* Самое заглавіе исчисляетъ вошедшіе въ составъ книги страны и народы, изъ которыхъ многіе даже и по имени не были дотолѣ извѣстны Европѣ, а всѣ другіе описаны въ современномъ ихъ состояніи. Витсенъ говоритъ, что все это *сочинено, описано и издано имъ въ слѣдствіе точнаго многолѣтняго изслѣдованія и собственнаго обозрѣнія.* Но онъ не былъ далѣе Москвы; слѣдовательно, *здѣсь*, въ 1666—1667 годахъ, собралъ онъ свои первыя извѣстія, которыя потомъ дополнилъ свѣдѣніями, полученными *отсюда же;* слѣдовательно, Московскіе архивы и въ половинѣ XVII вѣка заключали въ себѣ самыя драгоцѣнныя и подробныя свѣдѣнія о сосѣдней Азіи, которыя только ожидали издателя.

Не менѣе важные матеріалы хранились въ Сибирскихъ архивахъ, и наконецъ не-письменные источники свѣдѣній о пограничной Азіи заключались въ разсказахъ бывалыхъ людей, купеческихъ посланцовъ, казаковъ, промышленниковъ и т. д.—Этими источниками

воспользовался любознательный Шведскій офицеръ Страленбергъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ судьба Полтавской битвы привела на берега Енисея. Его «Описаніе Сѣвера и Востока Европы», изданное на Нѣмецкомъ языкѣ, можно назвать дополненіемъ къ сочиненію Голландскаго бургомистра, вмѣстѣ съ нимъ представляющимъ результатъ географическихъ свѣдѣній Европы въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія о прилежащихъ къ Россіи странахъ Средней Азіи, — свѣдѣній, собранныхъ въ нашемъ отечествѣ.

Великій Петръ своимъ геніемъ первый постигъ всю важность Средней Азіи для Россіи въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ; основываясь на его инструкціяхъ Бековичу и Бухгольцу, можно даже сказать, что онъ имѣлъ о Средней Азіи географическія свѣдѣнія, какими не обладалъ ни одинъ изъ его современниковъ, и что величайшій мужъ своего времени былъ также и первымъ знатокомъ въ географіи Средней-Азіи.

Петръ Великій хотѣлъ проложить путь въ Среднюю Азію вооруженною силою, съ береговъ Каспійскаго Моря и отъ Сибирской границы. Всѣмъ извѣстна судьба экспедицій, ввѣренныхъ имъ князю Бековичу и Бухгольцу въ 1713 и 1714 годахъ. Неуспѣхъ ихъ не только не послужилъ ко вреду Россіи; но, напротивъ того, торговля съ этимъ краемъ вскорѣ приняла счастливый оборотъ въ слѣдствіе пріобрѣтенныхъ свѣдѣній о новыхъ путяхъ и рынкахъ. Кромѣ политической цѣли—проникнуть чрезъ Бухарію въ Индію и завести прямыя сношенія съ Великимъ Моголомъ, экспедиція Бековича должна была имѣть и ученую цѣль, и вотъ на какіе вопросы обратилъ ея вниманіе Великій Петръ въ собственноручной инструкціи:

«Изслѣдовать прямое русло Аму и въ точности замѣчать теченіе высохшей рѣки; изслѣдовать, нельзя ли

«уничтожить плотину, ее окружающую, и открыть пре-
«жній стокъ ея въ Аральское Море?

«Проникнуть по Сыръ-Дарьѣ вверхъ до Яркенда.

«Вверхъ по рѣкѣ Аму проплыть какъ можно далѣе, а
«потомъ взять путь въ Индію; въ точности описать
«этотъ путь; узнать, нѣтъ ли другаго удобнѣйшаго пу-
«ти изъ Индіи къ Каспійскому Морю.»

Въ инструкціи Бухгольцу предписано было также:
« стараться провѣдать объ устьѣ Дарьи рѣки (т. е. Аму-
«Дарьи) и провѣдать подлинно, какимъ образомъ и въ
«которыхъ мѣстахъ по Дарьѣ-рѣкѣ тамошніе жители
«золото промышляютъ.»

Планъ двухъ экспедицій былъ колоссальный: съ одной стороны, отъ Хивы и Бухары подняться вверхъ по Аму-Дарьѣ, а съ другой изъ Тобольска подняться по Иртышу и проникнуть въ Восточный Туркистанъ. Городъ Яркендъ былъ цѣлью и желаемымъ пунктомъ соединенія двухъ отрядовъ.

Какъ занимала Петра мысль дойти до Яркенда и пріобрѣсть предполагаемыя тамъ золотоносныя розсыпи, видно изъ того, что неудача Бухгольца не остановила предпріятія, и вскорѣ въ 1717 году отправлена была новая экспедиція подъ начальствомъ подполковника Ступина, который впрочемъ только поднялся немного по Иртышу. Генералъ Лихаревъ отправленъ былъ съ тою же цѣлію: онъ переплылъ чрезъ Зайсанъ-Норъ, обошелъ его, и проникъ на двѣнадцать дней пути къ верховью Иртыша. Однимъ изъ результатовъ этихъ экспедицій было основаніе Омска и Семипалатинска, которое усилило Русское вліяніе на эти части Киргизскихъ степей, и повело потомъ къ болѣе частымъ и успѣшнымъ сношеніямъ съ Восточнымъ Туркистаномъ.

Въ статейныхъ спискахъ (депешахъ) нашихъ довольно многочисленныхъ посольствъ въ Хиву, Бухару, къ Калмыцкимъ *тайшамъ*, Алтынъ-Хану и другимъ владѣ-

телямъ Монголіи, въ шестнадцатомъ и началѣ семнадцатаго столѣтія, къ сожалѣнію находимъ очень мало географическихъ подробностей, которыми можетъ воспользоваться наука. Довольно обстоятельный маршрутъ посольства Петра Великаго къ Калмыцкому *Контайшѣ* (Цеванъ-Рабтану), въ 1722 и 1723 годахъ, мы находимъ въ мало извѣстномъ доселѣ журналѣ Унковскаго. Отъ артиллеріи капитанъ Иванъ Унковскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ инженеровъ и горныхъ чиновниковъ, отправленъ былъ посломъ къ Цеванъ-Рабтану. Въ сентябрѣ 1722 года онъ выѣхалъ изъ Семипалатной крѣпости и степью слѣдовалъ до урочища Хамаръ-Дабанъ (15 октября); отсюда опять степью до рѣчки Кокочеуча (?); 15 ноября посольство переправилось черезъ рѣку Или, а 17-го прибыло *въ учрежденную кошу* (сѣчь), *сплетенную изъ камыша и тальнику, которая отъ Контайшиной Урги* (резиденціи) *около трехъ верстъ имѣла, а отъ рѣки Царима въ одной верстѣ.* Унковскій отмѣчалъ версты и румбы своего пути; сочинилъ по разспросамъ *чертежъ Контайшина владѣнія земли и части Китайскаго владѣнія,* и составилъ «краткое описаніе о Контайшиномъ родствѣ и его происхожденіи во владѣтели надъ Калмыцкими народы, которые кочуютъ между Каменныхъ горъ на степи, именуемой Илинскою около рѣки Или, и о ихъ состояніи и поступкахъ».

Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями усилившихся со временъ Петра Великаго сношеній Россіи съ Среднею Азіею. Съ укрѣпленія Иртышской и потомъ Оренбургской линій, торговые караваны начали съ большею безопасностію и чаще пускаться въ степи; посланцы Хивинскіе, Бухарскіе и Киргизскіе чаще являлись въ Россіи, а Русскіе въ пограничныхъ владѣніяхъ. Все это способствовало къ ближайшему узнанію этой части Средней Азіи, и результатомъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ о ней въ первой половинѣ XVIII вѣ-

ка явились въ 1759 и 1762 годахъ «Оренбургская Исторія» и «Оренбургская Топографія», Рычкова,—сочиненія, составленныя по оффиціальнымъ актамъ и личнымъ наблюденіямъ и распросамъ, столь же важныя для исторіи, какъ и для географіи края.—Такую же услугу наукѣ оказали Фишеръ и Миллеръ своими Сибирскими Исторіями, въ которыхъ, кромѣ историческихъ свѣдѣній, собрано также много драгоцѣнныхъ географическихъ данныхъ о При-алтайскомъ краѣ. Сочиненія Рычкова были плодомъ наблюденій нашихъ со стороны Оренбургской линіи, а сборники Фишера и Миллера со стороны Сибирской.

Великая мысль Екатерины II употребить ученѣйшихъ въ государствѣ людей на описаніе малоизвѣстныхъ и отдаленныхъ провинцій Имперіи, привела знаменитаго Палласа и Гмелина къ Зайсанъ-Нору и Алтаю, и они положили основаніе критически ученымъ описаніямъ этой мѣстности, которыя съ той поры оставалось только пополнять.

Накоплявшіеся исподоволь маршруты купеческихъ каравановъ изъ Семипалатинска до Кашгара, Яркенда, Аксу, Гулджи, Яркенда и Коканда, изъ Кяхты до Пекина, и изъ Оренбурга и Астрахани въ Хиву и Бухару, дополняли наши свѣдѣнія о топографіи этого края. Къ сожалѣнію, эти, по видимому, скудные матеріалы долгое время оставались у насъ въ небреженіи, и только въ послѣднее время обратили на себя вниманіе; нѣкоторые изъ нихъ изданы такими учеными, какъ Риттеръ и Гумбольдтъ, и послужили основаніемъ при построеніи картъ Гримма и Риттера.

Со стороны Оренбургской линіи продолжали изслѣдованіе прилежащихъ степей, Аральскаго бассейна, Бухары и Хивы. Путешествіе маіора Бланкеннагеля въ Хиву въ 1793 году и въ особенности отправленіе туда инженеровъ и геодезистовъ въ 1740 году принесли много но-

выхъ извѣстій касательно топографіи и гидрографіи; геодезистъ Муравинъ сдѣлалъ съемку восточнаго и юго-восточнаго берега Арала и устьевъ Аму.

Во время Пугачевской войны, въ 1774 году, одинъ унтеръ-офицеръ изъ Оренбургскаго Корпуса, по имени Филиппъ Ефремовъ, увлеченный въ плѣнъ Киргизами, попалъ въ Бухару, и оттуда совершилъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ путешествій по Средней Азіи. Скрывшись изъ Бухары, онъ достигъ Хоканда, Кашгара и Аксу, изъ Яркенда проникъ въ Кашмиръ, оттуда въ Дегли, Бенаресъ и Калькутту. Какъ ни кратки и недостаточны его записки, онѣ все еще заключаютъ въ себѣ много новаго: онъ первый изъ Европейцевъ послѣ Клавихо сообщилъ описаніе Самарканда, доставилъ нѣсколько извѣстій о Китайскомъ Туркистанѣ, еще болѣе о Сѣверномъ Тибетѣ и Кашмирѣ, и маршрутъ отъ этого города до Калькутты.

Любопытныя и не безплодныя путешествія совершены были офицерами и переводчиками Сибирской Пограничной Линіи: Бурнашевымъ и Поспѣловымъ въ Ташкендъ въ 1800 году, Путимцевымъ изъ Бухтарминска въ Гулджу въ 1811, и Назаровымъ въ Хокандъ въ 1813 и 1814 годахъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, три новыхъ путешествія, совершенныхъ въ одно и то же время съ различныхъ пунктовъ въ Среднюю Азію,—съ восточнаго берега Каспія, съ Оренбургской Линіи и изъ Кяхты, — вдругъ принесли массу свѣдѣній почти обо всей этой полосѣ между Каспійскимъ и Китайскимъ морями. Это—путешествіе Н. Н. Муравьева въ Хиву (1819—1820), барона Е. К. Мейендорфа въ Бухару (1820) и Е. Ѳ. Тимковскаго въ Пекинъ (1820), которыя и доселѣ служатъ авторитетами въ географіи Хивы, Бухары, Восточнаго Туркистана и Монголіи. Исчисленіе заслугъ, оказанныхъ наукѣ этими путешествіями, за-

влекло бы насъ въ подробности, и мы полагаемъ достаточно опредѣлить ихъ значеніе, сказавъ, что это первыя путешествія, совершенныя въ новѣйшее время въ эти страны людьми просвѣщенными и къ тому приготовленными предварительнымъ изученіемъ предмета,— чего не доставало ихъ предшественникамъ.

Къ этимъ блистательнымъ трудамъ надлежитъ причислить и драгоцѣнныя «Записки о Монголіи,» отца Іакинѳа Бичурина, плодъ четырнадцати-лѣтняго пребыванія автора въ Пекинѣ и двукратнаго проѣзда его изъ Кяхты въ эту столицу и обратно (въ 1807 и 1821 годахъ).

Купецъ Кайдаловъ, начальникъ купеческаго каравана, который былъ отправленъ изъ Оренбурга въ Бухару въ 1824 году, но принужденъ былъ возвратиться (въ 1825) по нападенію на него Киргизовъ, издалъ свои путевыя записки, любопытныя какъ дневникъ и маршрутъ по степи.

Къ сочиненіямъ барона Мейендорфа и Муравьева, бросившимъ столько свѣта на западную половину Средней Азіи, должно присоединить еще важные для физической географіи этого края результаты ученой экспедиціи, совершенной въ 1825 и 1826 годахъ къ Аральскому Озеру подъ начальствомъ полковника (нынѣ генералъ-адъютанта) Ѳ. Ѳ. Берга: ею впервые опредѣлено было астрономическое положеніе нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктовъ и произведена нивеллировка западнаго берега Арала.

Указавъ на «Описаніе Бухарскаго Ханства», изданное въ 1843 году Н. В. Ханыковымъ, и особенно любопытное по нѣкоторымъ новымъ извѣстіямъ о Самаркандѣ, который автору удалось посѣтить лично въ сентябрѣ 1841 года, и на геогностическія замѣчанія о Бухарѣ г. Бутенева, бывшаго въ Бухарѣ, какъ и г. Леманъ, въ одно время съ г. Ханыковымъ, и упомянувъ о нѣсколькихъ статьяхъ, составленныхъ по разспросамъ русскихъ

плѣнныхъ, возвратившихся изъ Хивы и Бухары, и о неизданномъ еще путешествіи въ Хиву г. Данилевскаго, извѣстномъ по картѣ г. Базинера, обнародованной Циммерманомъ,—мы исчислимъ важнѣйшія наши географическія пріобрѣтенія о западной части Средней Азіи въ послѣднее десятилѣтіе. Относительно восточной части надобно упомянуть о новѣйшемъ описаніи Хоканда, сообщенномъ хорунжіемъ Потанинымъ, сопровождавшимъ на возвратномъ пути хокандское посольство, бывшее въ Россіи въ 1830 году.

Тогда какъ русскіе путешественники, съ одной стороны, переступивъ за Небесныя Горы, поднимались на плоскую возвышенность Восточнаго Туркистана, безпрепятственно доходя до Кашгара и Яркенда, а съ другой изслѣдовали Аральскій бассейнъ, нижнее теченіе Аму и равнины Мавераннегра,—англійскіе путешественники изъ Остъ-Индіи, отдѣленной отъ странъ Верхней Азіи Гималайскимъ хребтомъ, также пытались, по долинамъ Ганга и Джамны, подняться на вершины Среднеазійскихъ террасъ, а чрезъ Гиндукушъ спуститься въ равнины Аму-Дарьи. Враждебныя отношенія къ Остъ-Индской Компаніи мѣстныхъ племенъ долго служили препятствіемъ для ея путешественниковъ. Остъ-индское правительство, для собиранія свѣдѣній о Средней Азіи, должно было сначала употреблять туземцевъ. Одинъ изъ нихъ, Миръ Иззѣтъ-Уллàхъ, доставилъ довольно любопытный дневникъ своего путешествія (1812); онъ былъ въ Яркендѣ, Кашгарѣ, Балхѣ, Бухарѣ и Самаркандѣ. Англійскіе резиденты въ Сѣверной Персіи также собирали свѣдѣнія о Средней Азіи отъ купцовъ и лазутчиковъ: наиболѣе подробныя собраны и изданы Фразеромъ въ приложеніяхъ къ его «Путешествію въ Хорасанъ». Муркрофтъ рѣшился проникнуть въ Мавераннѣгръ (1825), и погибъ въ Кундузѣ. Наконецъ, отважный и хорошо знакомый съ нравами Азіатцевъ, офи-

церъ остъ-индской службы, которому суждено было вскорѣ пріобрѣсти громкую славу и преждевременную смерть, Сэръ Александръ Бернсъ, въ 1831 году совершилъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ путешествій въ Среднюю Азію: онъ поднялся по Инду до Аттока, и черезъ Гиндукушъ спустился въ равнины Аму; посѣтилъ Балхъ, Бедехшанъ, Кундузъ и Бухару, и вывезъ множество новыхъ свѣдѣній, обогатившихъ науку. Послѣ похода Англичанъ въ Афганистанъ, увеличилось число ихъ путешественниковъ для изслѣдованія Средней Азіи, и двое изъ нихъ, Шекспиръ и Абботъ, проникли даже изъ Герата въ Хиву, гдѣ дотолѣ еще не видали Англичанъ. Стоддартъ и Конолли посѣтили Бухару; Вудъ поднялся на вершины Аму, и изслѣдовалъ ея источники на плоской возвышенности Памиръ. Послѣ подчиненія своей власти и усмиренія Пенджаба, остъ-индское правительство, въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, снарядило ученую экспедицію, состоящую изъ инженеровъ Коннингама (Cunningham) и Страчи (Strachey) и естествоиспытателя Томпсона, для изслѣдованія страны къ сѣверу отъ Пятирѣчья. Экспедиція будетъ слѣдовать вверхъ по Сетледжу; поднимется въ Тибетъ черезъ ущелье Нити, лежащее на 14,544 фута надъ уровнемъ моря, и далѣе, черезъ одно изъ ущелій Каракорумскихъ горъ, ведущее къ Яркенду или къ Хотану, проникнетъ, если можно, въ одинъ изъ этихъ городовъ. Прозимовавъ тамъ, она обратится къ изслѣдованію Верхняго Инда и Цзанпу, и возвратится черезъ два года. Нѣтъ сомнѣнія, что эта экспедиція многое пояснитъ въ географическомъ строеніи этой части Верхней Азіи, о которой еще столь мало у насъ положительныхъ наблюденій.

Кромѣ путешественниковъ, ближайшему узнанію Верхней Азіи, въ послѣднія двадцать или двадцать пять лѣтъ, способствовали многіе ученые, хотя не бывшіе на мѣстѣ, но посвятившіе труды свои собранію и изда-

нію въ свѣтъ дотолѣ хранившихся въ рукописи отечественныхъ матеріаловъ, или переводомъ и объясненіемъ восточныхъ источниковъ. Въ первомъ отношеніи, заслуживаютъ почетнаго упоминовенія журналы «Сибирскій Вѣстникъ» и «Азіатскій Вѣстникъ», издававшіеся въ С.-Петербургѣ съ 1818 по 1827 годъ Г. И. Спасскимъ: въ нихъ обнародовано множество извѣстій о пограничныхъ странахъ Азіи, въ томъ числѣ часть записокъ Бурнашева и Поспѣлова о Ташкендѣ, дневники Путимцева, Пестерева и многихъ другихъ. Сюда же можно отнести и «Описаніе Киргизъ-Казачьихъ Ордъ и Степей», А. И. Левшина (1832 г.),—сочиненіе, составленное бо́льшею частію по документамъ архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, и отчасти по личному наблюденію. Въ отношеніи къ разработкѣ восточныхъ матеріаловъ для географіи Средней Азіи, никто не оказалъ столько услугъ наукѣ, какъ нашъ знаменитый синологъ и сочленъ О. Іакинѳъ Бичуринъ, котораго «описанія» Монголіи, Тибета, Чжуньга̀ріи, Восточнаго Туркистана и Китайской Имперіи, составленныя по китайскимъ источникамъ, пролили много свѣта на древнее и нынѣшнее состояніе этихъ странъ. Остъ-индскій оріенталистъ докторъ Лейденъ, переводомъ на англійскій языкъ историческихъ и географическихъ записокъ Султана Бабера (1826), сдѣлалъ доступнымъ Европѣ это важное сочиненіе, къ изданію котораго еще присоединены г. Ваддингтономъ любопытныя примѣчанія о географіи Мавераннегра и части Туркистана. Наконецъ государственный канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ, убѣжденный въ невѣрности французскаго и русскаго переводовъ Абульгазы, поручилъ издать татарскій текстъ его сочиненія, который и напечатанъ въ Казани (въ 1825 году); но перевода его ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ къ сожалѣнію еще не сдѣлано, и ученые принуждены пользоваться старымъ, который часто пере-

даетъ совершенно превратно смыслъ подлинника. Многіе неизвѣстные еще матеріалы для познанія пограничныхъ странъ Азіи хранятся въ нашихъ архивахъ и ждутъ издателей. Русское Географическое Общество уже обратило на нихъ свое вниманіе, и нѣтъ сомнѣнія, что наука пріобрѣтетъ отъ изданія ихъ въ свѣтъ данныя, которыя прольютъ новый свѣтъ на географію и этнографію Средней Азіи.